

ЕЛЕНА АРЗАМАСЦЕВА

Здравствуй, Дедушка Мороз!

ПОВЕСТЬ

Елена Арзамасцева
Здравствуй, Дедушка
Мороз! Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792745

ISBN 9785448504181

Аннотация

В санатории, где отдыхают сотрудники правоохранительных органов Советского Союза, в новогоднюю ночь был застрелен бывший следователь НКВД. В убийстве подозревают молодую женщину Анну, с которой в свою очередь происходят необъяснимые, не поддающиеся логике события. Закрученная линия сюжета, философские сентенции автора будут интересны широкому кругу читателей.

Содержание

Часть первая.	5
1	5
2	10
3	16
4	20
5	28
6	34
7	39
8	44
9	54
10	58
11	61
12	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Здравствуй, Дедушка Мороз! Повесть

Елена Арзамасцева

Иллюстратор Елена Наревская

© Елена Арзамасцева, 2017

© Елена Наревская, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0418-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая.

Селена

1

Зимний город встретил Анну и Татьяну промозглым ветром, морозцем и такой несносной сыростью, что захотелось, бросив чемоданы, побежать в теплое помещение, сесть к открытому огню и согреть руки. Сырость обволакивала, лезла под одежду, заставляла дрожать и ежиться привыкших к сухой морозной зиме девушек. От многодневной вагонной тряски пошатывало, и ноги, отвыкшие от ровной твердой поверхности, слегка разъезжались и пружинили.

Владивосток – красивый, террасный и уникальный, так, по крайней мере, говорила о нем проводница, ночью производил впечатление до того мрачное и неуютное, что у Анны по спине побежали мурашки. Взгляд упал на багаж, состоявший из чемодана и увесистой сумки. Как назло, на полуночном перроне не было ни одного носильщика. Тусклый свет вокзальных фонарей выхватывал из тьмы редких прохожих.

Из соседнего вагона вышел здоровенный дядька.

– Вы нам не поможете? – робко обратилась к нему Анна, когда он поравнялся с девушками. Интуиция подсказывала

ей, что они должны прибыть в один пункт назначения.

Мужчина нес небольшой чемоданчик. Не ответив, он бросил на Анну недовольный взгляд и прошел мимо. Ну и не надо!

Навьюченные поклажей, и рассуждая о тяжести женской доли, о вырождении сильного пола, о превратностях жизни – словом, о том, о чем могут рассуждать замерзшие и усталые женщины, они тащились по обледеневшей дороге за шагающим налегке здоровяком. Сначала – до станции электрички, потом долго тряслись в холодном вагоне, потом опять по скользкой дорожке под горку, разъезжающимися ногами, пока не дошли до места, указанного в путевках.

Вид величественного здания санатория МВД со звучным названием «Звезда», горевшим ярко-красными неоновыми буквами над высокими колоннами, окончательно вывел Анну из себя.

– Какое военное название! Нет чтобы придумать что-нибудь милицейское, – пробурчала она под нос.

– Ну, да! «Свисток», например, или «Полосатый жезл»! – съехидничала Таня в ответ.

– Странное место! У меня предчувствие какое-то нехорошее, – вздохнула Анна, пропустив мимо ушей прикол подруги. – Уеду, – решила она неожиданно, медленно поднимаясь по ступенькам и открывая массивную дверь, – дня через три и уеду.

Внутренние помещения чуда сталинского неоклассициз-

ма органично продолжали его фасад.

Огромный вестибюль с высоченным сводом, мраморные лестницы, устланные ковровыми дорожками, бюсты классиков марксизма-ленинизма, горделиво встречавшие гостей у входа, люстры а-ля пятидесятые и даже кадки с деревьями настроения не улучшили, а окончательно укоренили в сознании мысль о поспешном бегстве.

Впрочем, зарождавшиеся мечты Анны тут же потерпели фиаско.

Администратор санатория, изучив документы, предупредила девушек:

– Только не вздумайте сбежать раньше времени! Самовольное оставление санатория приравнивается к нарушению режима и...

– Как в тюрьме! – перебила ее Татьяна. – И что нам будет?

– Смейтесь, смейтесь! – покачала головой женщина. –

О таких шустрых мы сразу сообщаем по месту работы! И не видать им больше путевок как своих ушей!

– В «Звезду»?

– В любое оздоровительное учреждение МВД!

Анна еще раз вздохнула и огляделась.

Кроме них в холле находился мужчина, так не поджентльменски поступивший на вокзале.

– Место работы? – спросила у него администратор, заполняя формуляр.

– Начальник пожарной части, – сказал невежливый попут-

чик, развалясь в кресле и без стеснения разглядывая подруг.

Словно делая одолжение, он кивнул им:

– Что, девчата, знакомиться будем? Анатолий!

– Он еще и Анатолий! – прошипела Таня, прищулив свои загадочные черные глаза, взглянув в которые, малолетние преступники обычно сразу же начинали давать показания.

– Вам, Анатолий, надо было знакомиться раньше, когда мы чемоданы несли!

Они перекинулись между собою несколькими фразами, в смысл которых Анна не вникала, сосредоточившись на заполнении санаторской анкеты. Однако краем глаза она заметила, что через минуту от вальяжности пожарника не осталось и следа, а его взор стал беспомощно блуждать с бюстов классиков марксизма на бюст вождя мирового пролетариата.

В их городском отделе Татьяна считалась лучшим следователем по делам несовершеннолетних. Что-что, а наставлять заблудшие души на путь истинный умела.

«Тоже мне, начальник, – пронеслось в голове у Анны, – физиономия красная – наверняка пьет».

И еще она почему-то подумала, что дома он подкаблучник. В том, что у Анатолия есть жена, она ни на минуту не сомневалась.

Анна повернулась к администратору:

– Что за народ отдыхает в санатории?

– В основном – пенсионеры, вы самые молодые, – ответила та, взглянув на девушек с сожалением. – Впрочем, моло-

дые мужчины до тридцати еще встречаются.

– Да, – заметила она напоследок, – возьмите вторые одеяла. У нас – прохладно.

Их поселили в огромной, плохо отапливаемой комнате на три человека. Дрожа в постели от холода, от которого не спасали даже шерстяные носки и кофта, Анна окончательно решила уехать при первой же возможности.

2

В санаторий МВД СССР «Звезда» направляли для реабилитации в основном излечившихся нервноболевных сотрудников и особо надоедливых пенсионеров, страждущих ежегодного бесплатного отдыха. Как правило, после поездки во владивостокский санаторий, пенсионеры на следующий год путевок не просили.

Отпускники с хроническими хондрозами, радикулитами и прочими заболеваниями приезжали тоже, но в меньшем количестве.

Осмотрев Анну и постучав молоточком по коленкам, санаторный врач удивилась диагнозу, указанному в медицинской карте: ну совершенно здоровая женщина!

Впрочем, Анна ничего другого и не ожидала.

Когда в следственном отделе городского управления внутренних дел составляли график отпусков, двух молодых следовательниц «задвинули» на декабрь – пусть поработают! Такая несправедливость запала в душу и породила ответные действия. В первых числах декабря на стол начальника следственного отдела Петухова Александра Ивановича легло два рапорта с просьбой предоставить отпуск, учитывая приобретенные путевки в санаторий МВД.

К рапортам прилагались заключения терапевта, с огромным трудом выклянченные неделю назад за шоколадку,

о том, что следователю Тутомлиной Анне Владимировне ввиду заболевания вегетососудистой дистонией (дай Бог, запомнить название!) и следователю Крошевой Татьяне Петровне, страдающей популярной у милицейских работников неврастенией, необходим отдых и лечение не где-нибудь, а в городе Владивостоке.

При таком раскладе к тридцати законным дням отпуска полагалось еще четырнадцать рабочих дней на дорогу туда и обратно. Итого полтора месяца две единицы и без того скудного штата следственного отдела не смогут бороться с преступностью. А это, между прочим, заметно скажется на годовом показателе!

Но график есть график, и, тяжело вздохнув, полковник нехотя подписал заявления на отпуск.

Впрочем, радость от мести, греющая души подруг всю дорогу до Приморского края, по приезду как-то быстренько улетучилась.

Сейчас, пытаясь объяснить врачу причину заболевания, а заодно и ситуацию с работой, Анна и сама себе не могла ответить на вопрос, зачем она здесь находится. К счастью, доктор оказалась с большим опытом, поняла все сразу, и чтобы Анна не смогла умереть от скуки, прописала ей ежедневную общеукрепляющую гимнастику по утрам.

– Анька, мы что-то неправильно делаем! – сказала Таня, оказавшаяся точно в таком же положении,

– Посмотри, тут все бегают по кабинетам и лечатся. Нуж-

но пожаловаться врачу, что плохо себя чувствуешь: спина болит, ноги, еще что-нибудь, и ходить по процедурам. Когда еще придется! Люди говорят, сюда очень хорошую грязь лечебную привозят и ванны из особенной минеральной воды. Заодно согреемся беготней, иначе неизвестно, что с нами будет к концу заезда от этого холода!

Но на следующий день просить грязевое лечение пришлось ей одной. У Анны поднялась температура, разболелось горло, а чуть позже пропал голос. Осмотрев девушку, лечащий врач Тамара Петровна поставила диагноз: простуда на фоне резкой перемены климата. Лечение обычное: ингаляции, таблетки, горчичники и тепло. Последнее, пожалуй, главное.

– Ну, да, – просипела Анна, вспомнив, как ежилась ночью под тоненьким, почти солдатским одеялом, и пар шел от ее дыхания. – Где же взять тепло? Батареи не греют, а завхоз разводит руками при упоминании об обогревателе и дополнительных одеялах.

Под большим секретом доктор сообщила, что в кабинете главного врача имеется лишний греющий приборчик, а вчера совершенно новый электрический радиатор установили у директора клуба, которому он совершенно не нужен.

Начальника пожарной части из Омска поселили на том же этаже, где находился номер Анны и Татьяны. Напротив его апартаментов в коридоре у окна, раскинув игольчатые ли-

стья, возвышалась одинокая чахлая пальма, что, видимо, вызывало у Анатолия Петровича Щербатых чувство особой гордости. Иногда подруги слышали его звучный голос, объясняющий женщинам санатория, что Толина комната – это шалаш в раю под фиговым деревом и он будет рад, если пребывание в нем принесет счастье не только ему. Судя по тому, как часто он произносил эту фразу, желающих попробовать райской жизни не находилось. Может быть, смущало то, что предложения делались во время перекуров, а может быть, и само «фиговое» дерево – слегка пожелтевшее, в утыканном окурками кашпо.

Ближе к обеду Толик на правах старого знакомого заглянул в комнату к девушкам, чем их очень удивил.

«Хорошо, что необидчивый, плохо, что навязчивый», – подумала Анна, натягивая одеяло до подбородка и наблюдая за гостем.

В это время Анатолий, поставив стул посередине комнаты и удобно расположившись на нем, делился впечатлениями от посещения столовой. Она слушала внимательно. В столовую подруги еще не ходили – доедали то, что привезли с собой. Из-за болезненного состояния Анна не рассчитывала попасть туда скоро.

– Мама родная! – говорил Толик, делая ударение на букву «о» в слове родная, смешно сложив руки на груди. – Одни старушки. И какие старушки! Есть – в вечерних платьях с декольте и при прическах. Завтракают! Меня хотели с да-

мами лет семьдесят за один стол посадить. Я сначала согласился, потом увидел, как они чопорно орудуют ножом и вилкой, и у меня аппетит пропал. Я тогда говорю этому, как его, метрдотелю...

– Метрдотели бывают в ресторанах, а ты ходил в столовую, – перебила его Анна.

– Посмотрела бы ты на эту столовую: мраморные колонны, зеркала, официантки в фартучках с подносами снуют! А кормят как: три блюда на выбор! Хочешь – омлет, хочешь – рыбу принесут или кашку. Какао, кофе, чай. Конечно, этот, кто за столы народ распределяет, и есть метрдотель, – сказал он неуверенно, убеждая сам себя, что такое шикарное заведение не может обойтись без ресторанных названий. – Так вот, я тогда говорю метрдотелю, что я человек простой, сюда лечиться приехал, а не манерам обучаться! И попросил определить меня за столик к людям попроще и помоложе. Дамы обиделись, поджали губы. Метрдотель тоже начал нудить, что все отдыхающие для него одинаковы, но все-таки посадил меня на другое место.

Помолчав немного, он вздохнул и сообщил так, как будто бы в этом была его заслуга:

– Там такие цыпочки! Леле из Иркутска всего тридцать два года! А еще одна из Таджикистана, Фирюза зовут.

– Хорошая компания, – буркнула до этого молчавшая Татьяна, покосившись на Толика.

– Ничего, – простодушно ответил Щербатых, не замечая

недружелюбия.

Его взгляд, медленно скользя по комнате, наткнулся на пустую, аккуратно застеленную кровать.

– Кто с вами живет?

– Так, бабушка одна, – в тон ему ответила Анна.

– Да-а, – протянул Анатолий печально, не поняв издевки. – Хорошо, что у меня сосед – ровесник. На Сахалине в уголовном розыске работает!

Анна поймала себя на мысли, что откровения гостя ее утомляют.

– Не нравится – ехал бы в отпуск в Сочи! Там полно молодых красоток! – сказала она, подумав, что не надо больше пускать его в комнату.

– Ладно, Толя, иди, а то я болею!

Кажется, только сейчас Анатолий заметил, что у женщины замотано горло, и выражение на его лице приобрело оттенок скучной обязательности:

– Еще бы, в таком холоде! Ну, я пошел?

– Иди, – снова буркнула Татьяна. – Пижон!

Последнее слово она произнесла, когда за Толиком закрылась дверь.

– Все-таки надо бы сходить в эту хваленую столовую пообедать, – заметила Анна, вставая с постели: – Там наверняка тепло и подают горячий чай!

Рассказы гостя о дамах в роскошных нарядах озадачили девушек. Привыкшая к командировкам Анна всегда возила с собою минимум одежды, чтобы в дороге не надрываться под тяжестью лишней клади, которой набиралось и так достаточно много. Осмотрев свой гардероб, она решила все же не надевать выходное платье, припасенное специально для встречи Нового года. В конце концов, больной женщине можно пообедать, облачившись в теплый свитер и джинсы.

Таня тоже не стала переодеваться, полностью согласившись с Анной, что красота не всегда, а, вернее, не ото всех требует жертв.

Столовая санатория действительно производила впечатление и была такой, какой описал ее Толик: огромный круглый зал с зеркалами, ковровыми дорожками и окнами до пола. У входа в помещение за столом с табличкой «Врач-диетолог» сидел мужчина в белом халате.

«Это, наверное, и есть метрдотель», – догадалась Анна.

Врач, посмотрев карты отдыхающих и сделав пометки в своих бумагах, торопливо произнес:

– Общий стол.

Слегка обиженная невниманием, Анна переспросила его:

– А куда садиться?

– Где есть свободное место! – диетолог кивнул в сторо-

ну зала. – Только предупредите официантку, что вам можно есть все, – сказал он девушкам вдогонку.

Недолго думая подруги сели за столик к окликнувшему их молодому человеку и уже через пять минут оживленно разговаривали с ним, заказав обеденные блюда. Новому знакомому Олегу на вид было не более тридцати лет. Он радостно сообщил что живет в Ленинграде и работает пожарником.

«Надо же, – подумала Анна, – опять пожарник! Неужели самые нервноболезные сотрудники МВД – это пожарники?»

Слегка отодвинувшись от стола, она стала разглядывать публику в зале. Люди как люди: обычные, советские, в простых костюмах, кофточках и платьях. Дам в бальных нарядах Анна не заметила. Зато увидела, как в столовую вошел Толик. Остановившись у входа, он огляделся и, наткнувшись на девушек взглядом, помахал рукой:

– Привет!

Олег, до этого спокойно рассказывавший об особенностях санаторской кухни, вдруг подозрительно спросил:

– Это ваш приятель?

– Кто? – удивилась Татьяна, сидевшая спиной ко входной двери.

– Да тот колхозный парень с обветренной физиономией, – Олег указал на Анатолия. – Он утром шум поднял. Затеял перепалку с женщинами за крайним столиком.

Анна посмотрела на женщин – совсем не старушки, потом на Олега – знал бы он, кто Толик по должности и званию,

наверняка не называл бы его колхозным.

– Это не наш приятель. Просто пытался познакомиться, – нехотя ответила Таня, наконец заметившая объект обсуждения.

Не удержавшись, Анна засмеялась. Но вместо смеха раздались сильные хрипы, и за столом решили, что она кашляет. Этот кашель-смех возымел на нового знакомого неожиданное действие. Переключив внимание на девушку, он стал советовать ей, как и чем лечиться. Говорил Олег, на удивление, правильными медицинскими терминами, почерпнутыми, видимо, не из одной научно-популярной брошюры, а то и из учебника для студентов-медиков. Прислушав три рецепта избавления от кашля с помощью черной редьки, меда и коньяка, Анна почтительно спросила:

– Вы медицинский заканчивали?

– Нет, – слегка смутился Олег, – просто здесь скучно очень, вот и читаю, что под руку попадет.

Наконец подали обед, и все уткнулись в тарелки, но ненадолго.

– А, вот что я еще прочел, – вспомнил вдруг сосед, обращаясь к Анне. – Если у человека высокая температура, то ноги нужно окунуть в ледяную воду.

– И сдохнуть потом! – саркастически добавила Таня, надкусывая пирожок.

– Что ты! – обиделся он. – Ноги в воде нужно подержать совсем немного – минуты две, не больше. Потом надеть шер-

стяные носки и ходить по комнате пять минут!

– Ты думаешь, что после этой процедуры у больного человека хватит сил передвигаться? – парировала подруга, и между ними завязалась легкая перепалка, в конце которой Олег все-таки вернулся к излюбленной теме:

– А вот еще один рецепт...

Хорошее настроение Анны улетучилось. Она быстро доела обед и, чтобы не мешать соседям, встала из-за стола:

– Я пойду, а то к врачу опоздаю!

У Анны был один пунктик – она не выносила «учителей». Ее брак распался только из-за того, что все четыре года совместной жизни муж постоянно указывал, как нужно стирать, готовить, гладить, шить, играть с ребенком, превратив семейную жизнь женщины в сплошные курсы по повышению квалификации на экстремальной основе. Чтобы выжить в браке, у Анны, как у собаки Павлова, выработался стойкий рефлекс: когда кто-то менторским тоном начинал учить ее прописным истинам, она быстро и бесконфликтно исчезала.

Недалеко от столовой располагались административные помещения: приемная главного врача, кабинеты его заместителей и, в самом конце коридора, – клуб санатория «Звезда».

Дверь в клуб была открыта, и Анна заметила, что туда заходит довольно-таки много народу. Ведомая любопытством, она тоже вошла в помещение, которое представляло собой большую проходную комнату – холл со стульями вдоль стен и несколькими столами. Две двери указывали на наличие отдельных кабинетов. На одной из них Анна прочитала надпись на табличке: «Директор».

«Вот тебя-то мне и надо», – подумала она, вспомнив о том, что завхоз выдал клубному руководителю новый обогреватель. Дверь в кабинет была закрыта, но Анна решила во что бы то ни стало дождаться его хозяина и заполучить заветный теплоагрегат.

В клубе толпящиеся люди разглядывали развешанные по стенам афиши владивостокских театров с репертуарным набором и рукописный листок с перечнем экскурсий.

«„Героическое прошлое Приморья“, „Природа родного края“», – прочитала Анна.

Как и везде, типичные культпоходы, но где-то в конце списка она узрела автобусную экскурсию на вещевой рынок города Артема и оживилась. «Обязательно поеду», – решила

девушка, потому что знала, что этот вещевой рынок не что иное, как одно из тех заветных мест в Советском Союзе, где ходящие в загранку моряки задешево продавали фирменные шмотки.

Рядом со списком экскурсий к стене было пришпильно объявление, написанное большими печатными буквами: «Танцы в спортзале. Вторник, четверг, суббота. Вход – один рубль. Кинофильмы в актовом зале. Среда, пятница, воскресенье. Вход – пятьдесят копеек».

Она попыталась представить себе, как скучно в санатории вечером в понедельник без танцев и кино, но, заметив, что люди в клубе становятся в очереди, перестала об этом думать. Очередей, довольно-таки больших – человек по двадцать-тридцать, было две, и тянулись они к столам в противоположных концах помещения. Узнав, что продаются билеты в театры и музей, Анна сразу же решила посетить все мероприятия, предлагаемые клубом. Перспектива бездарно и скучно проболеть свой отпуск не радовала.

В это время в холл зашли Татьяна и Олег. Они были так увлечены беседой, что не смотрели по сторонам. Надеясь остаться незамеченной, Анна тихонько выскользнула из очереди, и попыталась затеряться между людей в дальнем углу зала. Меньше всего ей сейчас хотелось общаться с занудливым соседом по столу, который наверняка спросит, почему она находится в клубе, а не на приеме у врача.

Присев на стул, Анна заняла выжидательную позицию.

К радости девушки, Олег сразу же ретировался – видимо, он просто показывал, где находится клуб. Дождавшись, когда Таня встанет в очередь в театральную кассу, Анна подошла к ней и пристроилась рядом. Люди, за которыми она занимала, уже ушли.

– Ты почему сбежала из столовой? – тихо спросила подруга.

– Надо было... – начала Анна, но вдруг стоявший позади них пожилой мужчина истошно заголосил. Не сказал, не крикнул, а именно заголосил, да так тонко и пронзительно, что она вздрогнула и поежилась.

– Девушка! Сейчас же займите очередь, как все! Распустились совсем!

Если бы стихийное выступление очередника-активиста ограничилось лишь этим набором типичных для всех очередей СССР фраз, то было бы еще ничего, но старика понесло, и он начал обличать современную молодежь с такой пылкостью, как будто бы выступал на комсомольском собрании стахановцев первой пятилетки.

Анна оторопела. Видимо, оторопела не только она, потому что гул в комнате стих, и на фоне внезапно наступившей тишины было хорошо слышно каждое слово разгневанного оратора.

Его речь неожиданно прервала какая-то женщина, из тех, про кого говорят «женщина без возраста», потому что на вид совершенно нельзя было определить, сколько ей лет – трид-

цать или пятьдесят, настолько хорошо она выглядела в облегающем прекрасную фигуру синем трикотажном костюмчике с белым кантом и молодежной короткой стрижкой.

– Константин Евгеньевич! Вы опять чем-то недовольны? На этот раз вас кто обидел?

Ее замечание возымело действие. «Стахановец», к слову сказать, не получивший поддержку народа, замолчал и с видом оскорбленной добродетели сел на стул.

Взгляд женщины остановился на Анне. Примерно с минуту она ее разглядывала, как показалось девушке – с головы до ног, а потом что-то сказала стоящему рядом с ней молодому человеку.

– Вот, вы-то нам как раз и нужны! – сказала дама, подзывая виновницу скандала.

Ну и санаторий! Ступить нельзя, чтобы тебя не отругали или не начали поучать! Анна ни на минуту не сомневалась, что сейчас ее начнут отчитывать за попытку пролезть без очереди за билетами. Видимо, в этом не сомневалась и Татьяна, вставшая за спиной подруги в позу римского завоевателя со скрещенными руками на груди и готовая в любой момент дать достойный отпор.

Но вопреки их ожиданиям разговор потек совсем по иному руслу. Оказалось, что Ирина Павловна, так звали женщину, работает методистом клуба, а ее спутник, Валерий Петрович, его директором.

Анна с чувством пожала руку молодому человеку и улыб-

нулась самой обаятельной, на ее взгляд, улыбкой, подражая голливудским актрисам немого кино. Директор тоже улыбался Анне, только, в отличие от нее, искренне.

– Наконец-то в нашем санатории в зимнее время появились молодые, симпатичные девушки! – сказал он радостно, обращаясь почему-то только к ней.

Анна была растрогана. Надо же, на ловца и зверь бежит! Если она ему понравилась, то будет совсем легко выпросить обогреватель.

– Вы, конечно, знаете, что встретить Новый год нужно весело, чтобы он удался? – загадочно продолжил Валерий Петрович.

Анна согласно кивнула, с интересом ожидая, куда же он ее пригласит. Еще она подумала, что нужно сначала для вида согласиться, а потом под каким-нибудь предлогом не пойти.

Выдержав паузу, директор продолжил:

– Мы в санатории ежегодно проводим новогодний бал! А в этом году у нас, Анечка, Снегурочки нет! Ирина Павловна уже в возрасте, Снегурочку ей играть тяжело, а вы очень подошли бы на эту роль: беленькая, тоненькая – ну вылитая внучка Деда Мороза! Соглашайтесь!

Обольстительная улыбка медленно сползла с губ Анны. Ну, конечно! Кто же это будет назначать свидания в присутствии стольких людей? А она тоже хороша – не сообразила, что здесь что-то не так. Снегурочка! Здравствуйте, детишки! Пardon, отдыхающие! Мы с дедушкой принесли вам подар-

ки. Интересно, если она откажется, даст директор радиатор? Наверное, не даст. Значит, не судьба.

Анна отчаянно замотала головой и просипела:

– Рада вас выручить, но не могу. Видите, голоса нет!

– Жаль, – протянул директор клуба, – извините.

Татьяна, все это время молча стоявшая рядом, вдруг неожиданно вмешалась:

– Почему же это жаль? До Нового года еще две недели. Так?

– Так, – повторил Валерий Петрович.

– Она же не все время будет болеть. Так?

– Так, – эхом вторил директор, не понимая, куда клонит девчонка.

– Вот и помогите ей выздороветь! Создайте условия для быстрого лечения, и Аня, как поправится, будет у вас на елке Снегурочкой!

Анна с интересом слушала не вмешиваясь.

– Чем же мы ей поможем? Мы не врачи, – развела руками Ирина Павловна.

– А у вас обогреватель есть! – твердо заявила Танька миллицейским голосом, уперла руки в боки и посмотрела Валерию Петровичу прямо в глаза как на допросе.

Он почему-то засмутился, не сказал ни да, ни нет, но вместо директора ответила Ирина Павловна:

– Есть-есть, в кабинете у него стоит! Конечно, мы отдадим.

– Еще, – Татьяна очень ловко взяла быка за рога (в лице работников клуба) и отпустить не собиралась, начав загибать пальцы: – Нам нужно по дополнительному одеялу, и бра над кроватями, чтобы вечером читать.

Анна знала, что светильники полагались «улучшенным» комнатам, в которые обычно заселяли курортников в звании не ниже, чем подполковник. Ей стало неловко от Танькиной прыти, но она, потупившись, молчала.

Между тем под роль Снегурочки был выторгован еще электрический чайник, стул с красивой обивкой, бесплатное посещение экскурсий, благо, что они осуществлялись на автобусе санатория, и бесплатный вход на танцы. В дармовых билетах в кино и театр было вежливо отказано по весьма понятным причинам.

«И то хорошо», – подумала Анна, восхищаясь Таниной предприимчивостью.

– А кто будет Дедом Морозом? – спросила она, вернув разговор на стезю жесткой реальности.

– Не знаем еще, – ответила Ирина Павловна, – должен, вообще-то, Валерий Петрович, но он вам по росту не подходит. Будем искать. Если не найдем, то будет он.

Анна была выше Валерия Петровича примерно на полголовы, к тому же она носила обувь на каблуках. К слову сказать, еще одним пунктиком, осложнявшим ей жизнь, было то обстоятельство, что Анна не любила появляться на людях с мужчинами маленького роста. Но сейчас она предпо-

чала об этом не говорить и только вздохнула:

– Ничего, что-нибудь придумаю, времени еще достаточно.

Видимо, в санатории очень уважали клубных работников, а, скорее всего, Ирину Павловну, поэтому еще до тихого часа кладовщица принесла дополнительные одеяла, а электрик повесил бра. Обогреватель и чайник девушки прихватили из клуба сразу же, а затем на всякий случай перенесли еще четыре стула и репродукцию картины Айвазовского «Девятый вал», одиноко висевшую на стене между афишами и доской объявлений.

Картину водрузили над кроватью пенсионерки Алевтины Николаевны, включили калорифер, и в комнате сразу стало тепло и уютно.

Но Анну все же знобило. Она лежала в постели под двумя одеялами и уже третий раз подряд измеряла температуру, надеясь на погрешность градусника, ртутный столбик которого застрял на отметке тридцать восемь. Голос сел еще больше и превратился в шепот. Но Анне было не до хрипов. Уставившись в потолок, она прокручивала варианты приемлемого выхода из сложившейся ситуации. Например, болезнь продлится до окончания срока путевки, Анна не сможет говорить, и клубу придется найти другую Снегурочку. Или она сама найдет другую Снегурочку. На ней свет клином не сошелся, и, может быть, в ближайшее время в санаторий еще приедут молодые симпатичные блондинки.

На ужин Анна не пошла. Олег и Таня принесли ей из столовой булочки к чаю и мед.

– Ну, вы даете! – восхищенно сказал Олег, разглядывая светильники. – Это за какие заслуги?

– Уметь надо, – ответила подруга. Они решили никому не рассказывать о своем соглашении с Валерием Петровичем, пока полностью не прояснится ситуация с новогодним вечером.

Олегу, видимо, по жизни нравились добычливые и пронырливые дамочки. Он не сводил с Тани влюбленного взгляда и постоянно посвящал ее в сокровенные санаторские тайны, интересующие всех без исключения отдыхающих: где во Владивостоке можно достать красную рыбу и икру, где и почем продают китайские полотенца и прочий дефицит. Говорил он приглушенным голосом, почти шепотом – ну настоящий шпион-перебежчик, выдающий важный государственный секрет.

Анна, заядлая тряпичница и любительница шататься по магазинам (когда представлялась такая редчайшая возможность), слушала его, затаив дыхание, намертво закрепляя в памяти ценные сведения о том, что японских товаров во Владивостоке нет, зато много рыбных консервов и кедровых орехов, и что все купленное можно переслать по почте, засыпав пустые места в ящике орешками. Сам он уже отправил домой пять посылок. «Кстати, это обходится намного дешевле, чем доплачивать за багаж в самолете».

– Сегодня, между прочим, танцы, – Олег зевнул, – пойдете?

Неожиданно Анна вспомнила, что Ирина Павловна в восемь часов вечера будет ждать их у входа в спортивный зал, чтобы познакомить с музыкантами. Если выразиться юридическим языком, то это знакомство означало не что иное, как исполнение договорных обязательств перед девушками по бесплатному посещению танцев. Плата в один рубль с отдыхающих шла на содержание санаторского вокально-инструментального ансамбля. Днем музыканты работали еще где-то, кажется в порту, а вечером подрабатывали, играя по очереди в двух санаториях.

– Придется идти, – решила она, моментально просчитав в мозгу полученную выгоду от сэкономленных рублей. Родство с Дедом Морозом начинало нравиться.

Выставив Олега за дверь, девушки переоделись и нарядились.

Анну бросило в жар, и она надела к джинсам легкую ажурную кофточку, которая ей очень шла и подчеркивала достоинства фигуры.

На танцы они немножко опоздали.

– Что же вы так долго, девочки? – встревожено встретила их Ирина Павловна и представила бородачу с гитарой в руках: – Это – наши! Аня и Таня. Их бесплатно пропускать. А это Максим, – сказала она, обращаясь уже к подругам.

Анна исподтишка взглянула на Олега. Если бы его сейчас

увидел Гоголь, то наверняка отвел бы ему место в немой сцене «Ревизора». Приятно! Однако она сделала вид, что ничего особенного не происходит, и пошла вперед. Олег, заплатив положенный рубль, неотступно следовал за ними.

В спортивном зале санатория не топили, и у людей при разговоре изо рта шел пар. Но Анна холода не почувствовала и с любопытством оглядела зал. За свои двадцать пять лет она еще не видела столько нарядно одетых мужчин в одном месте, разве что на строевом смотре городского управления внутренних дел. Но там официальная обстановка, а здесь... Присутствие женщин в глаза не бросалось, и девушка подумала, что если сюда случайно бы забрела Баба-яга, то наверняка стала бы королевой бала.

По крайней мере, к Анне сразу же подошли несколько парней – один краше другого – и пригласили на медленный танец. Она улыбнулась всем, но танцевать стала со светло-волосым атлетом, похожим на викинга, с соответствующим именем – Эдуард. Он приехал из Таллина, но отношение имел не к МВД, а к торговому флоту и проживал в соседнем санатории. Пока танцевали, решили встретиться завтра в 19 часов у входа в «Звезду».

Потом Анна вальсировала еще с одним красавцем, похожим на Алена Делона. У себя в Киеве Роман служил пожарником, чему она уже не удивилась. Договорившись с ним о завтрашнем свидании, Анна клятвенно пообещала ровно в 20 часов подойти к актовому залу санатория. На следую-

щий танец она рассчитывала получить приглашение от понравившегося ей черноволосого парня с чертиками в глазах, которого заметила, беседуя с Аленом Делоном, но их все время оттирали друг от друга. Ее опять подхватил Эдик, и девушке пришлось даже не танцевать, а скакать с ним, поскольку музыканты заиграли быструю музыку, а матрос цепко держал ее за руки.

Анна чувствовала себя отвратительно, но ей понравился неожиданно свалившийся на нее успех записной красотки. Дома она работала на износ – с утра до ночи, и очень часто в ночные дежурства и в выходные. Ей было некогда ходить на свидания, и даже повертеться утром перед зеркалом лишних пятнадцать минут представлялось несказанной роскошью. Из-за вечной занятости и нехронического недосыпа Анна считала себя если не дурнушкой, то уж точно серой мышью, и сейчас, обнаружив, что это не так, была на седьмом небе от счастья.

Наконец дошла очередь и до черноглазого Саши, восстанавливающего здоровье в «Звезде» после ранения в Афганистане. Она с большим удовольствием танцевала с ним и тоже назначила ему свидание – завтра в девять часов вечера на улице, под окном ее комнаты, пожалев, что раньше договорилась о других встречах.

В это время музыканты сделали перерыв, и Саша усадил ее на скамейку, дав понять другим претендентам, что дама устала и не желает больше танцевать.

Музыка снова заиграла в учащенном темпе, но они продолжали беседовать, вернее, он что-то увлеченно рассказывал, а Анна слушала. Вдруг перед глазами все поплыло, смешалось с разноцветными бликами цветомузыки, бестолково шныряющими по залу в угоду беснующейся толпе, и она почувствовала, что еще немного и – потеряет сознание. Ей почему-то стало стыдно перед Сашей. Подняв глаза, Анна увидела недалеко от себя Толика, любезно общавшегося с какой-то симпатичной брюнеткой.

– Извините, – сказала она ему, – мне нужно выйти.

Приблизившись к Анатолию, Анна дернула его за рукав и прошептала к неудовольствию собеседницы, поджавшей губки:

– Толя, отведи меня домой.

6

Кто-то легонько потряс ее за плечо, и Анна окончательно проснулась.

– Вставай, танцовщица, – голос у Тамары Петровны звучал мягко и ласково, как у мамы.

Анна открыла глаза. Комната была залита солнечным светом, и – наверное, от этого – ей стало легко и радостно. Девушка чувствовала себя пушинкой, на которую дунуть – и она полетит, полетит, закружится и будет летать и кружиться вечно. Как будто бы и не было прошлых сумеречных владивостокских дней, холодной комнаты и болезни.

– А-а-а-а, – протянула Анна, – Тамара Петровна-а.

Но получилась чуть слышно и хрипло. Нет, хворь не отступила!

Она попыталась встать с постели.

– Лежи, лежи, – удержала врач, – жар прошел, но полежать еще надо, хотя бы денька два. И никаких танцев и развлечений, пока не вылечим!

Анна измерила температуру – тридцать семь и два.

Радио просигнало пятнадцать часов и разразилось фирменной песней: «Влади-восток! Влади-восток! Влади-восток!»

«На маяке твоём не гаснет огонек», – подпела ему мысленно Анна.

– Ого, ну и спала!

Обед давно прошел, но есть ей не хотелось.

Вошла медицинская сестра, сделала укол, и девушка опять окунулась в сладкие объятия Морфея.

Проснулась она неожиданно, как от толчка. Резко отбросила одеяло и встала. В комнате было уже темно, лишь тени от веток, раскачиваемых уличным ветром, мельтешили по стенам.

Анна подошла к окну и увидела мужчину, одиноко стоящего на тротуаре в тусклом фонарном свете. Он курил, поднося сигарету к губам резкими частыми движениями, и она поняла, что Саша – а это был именно он! – находится здесь давно и нервничает. Анне захотелось немедленно одеться и бежать туда, к фонарю, но сил не было даже на то, чтобы залезть на стул, открыть форточку и позвать его. Она покачнулась, вцепилась в подоконник, и слезы тонкими струйками покатались по щекам.

Саша медленно пошел по дороге к выходу из санатория.

– Почему, почему?! – плакала Анна. – Почему, когда наконец встретишь того, кто действительно нравится, «своего» человека, тут же его теряешь?

На этот вопрос она ответить не смогла, но для себя решила разыскать Сашу сразу же, как только выздоровеет. Про другие свидания Анна забыла.

Она уставилась на огромный круглый диск луны, нависший над деревьями, и вдруг поняла – как будто услышала

голос внутри себя:

– Никогда!

– Почему?! – закричала Анна высоким и чистым голосом. Она развела руки в стороны и в длинной белой ночной рубашке стала медленно подниматься вверх, скользя наискосок к стене комнаты.

– Потому что тогда Селена и Лилит потеряют равновесие.

– Кто они? – задала вопрос Анна. Еще она хотела спросить, кто с ней разговаривает и почему она висит в воздухе, но на нее вдруг накатило такое безразличие безысходности, какое бывает только у тех, кто стоит у последней черты.

Лунный диск начал раздваиваться, и теперь в небе висело уже две Луны – ослепительно белого и антрацитного цвета, намного чернее, чем ночное небо. Белая луна превратилась вдруг в женщину в длинной рубашке жемчужного цвета, с распущенными светлыми волосами. Она плавно летела по воздуху навстречу Анне и, проникнув сквозь стекло двойных, накрепко законопаченных рам с закрытыми форточками (как сквозь воду прошла), стала кружиться вместе с ней по комнате – лицом к лицу и раскинув руки.

– Узнай меня, – сказала женщина нараспев, – я Селена, светлая сторона Луны.

– Да это же я! – подумала Анна и удивилась, почему ее сразу две одновременно.

В это время в комнату влетела, а вернее, всплыла еще одна точно такая же женщина, но только черноволосая и в темной

рубашке, и присоединилась к ним.

– Узнай меня, – пропела темная дама, – я Лилит, лунная тень, закрывающая планеты и судьбы.

– Надо же, и это – я! – опять удивилась Анна, взглянув на черноволосую женщину.

Они взялись за руки и закружились по комнате в странном, причудливом хороводе.

– Ты всегда будешь одинока, даже если и найдешь себе пару, – пропела Селена сопрано.

– Ты женщина парадоксов. Парадоксы внутри и вокруг тебя, – томно вторила ей Лилит контральто.

– То, что кажется черным, откроется белым, а белое станет черным, – пропели они вместе.

– И только ты можешь повлиять на ход событий, – добавила Селена.

Вдруг они исчезли, и Анна полетела в черную пустоту.

«Совсем как Алиса в стране чудес», – только и подумала она.

Ее нашла лежащей на полу комнаты Алевтина Николаевна, вернувшаяся вечером после просмотра телевизионных передач. Она позвала Татьяну, и вдвоем они уложили Анну на кровать.

– Смотри, больше никому не рассказывай о Селене и Лилит, а то тебя быстро переведут из санатория для нервнобольных в психиатрическую клинику. Все это тебе вчера померещилось от высокой температуры, – сказала подруга, ко-

гда Анна рассказала ей, что с нею приключилась вечером.
Лучше почитай что-нибудь!

Она лежала и читала, когда в гости зашел Толик. Он не появлялся у них с того вечера, когда привел Анну с танцев и учинил переполох в санатории, собрав вокруг больной женщины консилиум из санитарочек, дежурной сестры, администратора и даже главного врача, задержавшегося после работы для составления отчета. Благодаря этому случаю, в среде медицинских работников Анатолий приобрел репутацию скандалиста, а среди женской половины отдыхающих, наоборот, имидж хотя и слегка невоспитанного, но доброго и надежного парня, не бросающего в беде.

К пальме в конце коридора стайками по два-три человека теперь робко слетались отдыхающие тетеньки, и оттуда доносились обрывки длинных и умных бесед о болезнях и способах излечения.

Анатолий, внезапно получивший новый общественный статус и бывший в курсе всех лечебных дел санатория, изменился и вел себя тоже степенно и мудро.

Как и подобает старинному другу, он принес больной Анне три апельсина и битый час рассказывал, как какая-то Вера Семеновна из Обнинска вылечила радикулит собственной мочой и вообще какое это чудодейственное средство урино-терапия. Вот если бы Анна, последовав ее примеру, сделала себе на горло слегка подогретый компресс, то перестала бы

хрипеть на следующий день.

Толика слушали внимательно, но когда Татьяна, которая, кстати, тоже стала относиться к нему значительно лучше, спросила, стал бы он сам так лечить больную ногу, Анатолий засмутился и постарался перевести разговор на другую тему.

– У вас тепло. Богатеете! – сказал он, заметив обогреватель, стоящий рядом с постелью Анны.

Таня улыбнулась и, опережая вопросы приятеля, воскликнула, указав на репродукцию творения Айвазовского:

– А вот! Посмотри, какая у нас картина и даже бра есть!

Пораженный Толик присвистнул:

– Ну, вы, девчата, и проныры! А я для них радиатор у главного врача третий день клянчу! Мне отказал, а вам, значит, дал? И еще с картинкой!

– Не-а, – глаза у Таньки таинственно заблестели, – это не он дал! Это мы Анну в клуб продали.

– Как это продали? – не понял он: – В любовницы что ли, завклубу? Больно он мелковат для нее.

– Вот именно, мелковат. Не в любовницы, а в Снегурочки!

Глядя на ничего не понимающего Толика, девчонки рассмеялись.

– А Деды Морозы там, случайно, не нужны? – поинтересовался приятель.

– Дед Мороз там как раз нужен, – ответила ему Анна, мысленно представив себя рядом с Анатолием. Ему она бы-

ла где-то по плечо, и Валерий Петрович в сравнении явно проигрывал.

Таня, перехватив взгляд подруги и быстро сообразив, к чему та клонит, тут же открыла агитацию, сочными красками рисуя картину светлого будущего Аниного спасителя:

– Представляешь, Толик, ты – Дед Мороз! И в новогоднюю ночь появляешься у елки в шикарной шубе и с мешком. Все ждут только тебя и больше никого! А ты начинаешь раздавать подарки. Дамы, в красивых платьях с декольте, так и вьются вокруг. А ты, кого захочешь, того и благодетельствуешь. Вредной старушке из столовой, которая в тебя ложку запустила, можешь вообще ничего не дарить. Пусть знает, кого обижать!

Глаза Анатолия сощурились, как у сытого кота, и он мечтательно произнес:

– Вашими устами, да мед бы пить! Только ложек в меня не бросали.

– Бросали – не бросали! Какая разница! Зато отдыхать будешь как человек – с повышенной комфортностью! Понял? – перебила его девушка.

На удивление Анны, Анатолий сдался довольно-таки быстро, еще раз хорошенько рассмотрев приобретения подруг.

– А что там в клубе осталось?

– Да много чего, – ответила Анна, – сходи, посмотри!

Недолго думая он отправился в Мекку санаторской куль-

туры, прихватив с собой для поддержки Татьяну, и минут через пятнадцать какие-то люди, чертыхаясь, переносили клубное имущество в комнату Толика.

Сгорая от любопытства, Анна выглянула в коридор и увидела, что тащат радиолу с вмонтированным проигрывателем – эдакого уродца на ножках, образца шестидесятых годов. К радиоле прилагались два ящичка пластинок, небольшой переносной магнитофон «Нота» и настольная лампа со стола директора клуба, которую почетно несла Таня. Процессию замыкал новоиспеченный Дед Мороз, перемещавший на себе приличного вида вертящееся кресло методиста.

После визита Толика, кабинет директора клуба являл собою образец помещения эпохи военного коммунизма – стол, стул и чудом уцелевшая печатная машинка. Недоставало только заклеенных крест-накрест оконных стекол и портрета Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Комната Анатолия, наоборот, очень преобразилась. И, к слову сказать, впоследствии стала центром досуга для проживающих рядом отдыхающих.

Утром люди спешили на процедуры, бегали по врачам, глотали таблетки и следили за правильным употреблением калорий, а вечером, невзирая на пол, возраст и болячки, отрывались под музыку заезженных пластинок, изрыгаемую радиолой. Магнитофон оказался в нерабочем состоянии и был возвращен в клуб за ненадобностью.

На почве радиольных танцев народ на этаже сдружился

и даже перестал ходить в спортивный зал танцевать под ансамбль.

Беда подкралась неожиданно, а именно в тот момент, когда Толик и Анна, беспечно пользуясь благами цивилизации, напрочь забыли, за что «продали бессмертную душу».

Дьявол-искуситель в образе милой женщины Огневской Ирины Павловны – массовика-затейника, подошел к Анне, когда она ожидала очередь на жемчужные ванны.

О, эти санаторные очереди! Своеобразные клубы общения, места встреч единомышленников и даже смысл пребывания в санатории. Анна сто раз говорила спасибо, что врач назначила ей дополнительные общеукрепляющие процедуры. С кем она только не познакомилась, ожидая свой черед на физио-, грязе- и иное лечение.

Лучшим ее «очередным» приобретением стало знакомство с Идой Константиновной – интересной дамой из Москвы.

А началось с того, что как-то в столовой Анна увидела высокопоставленного милицейского чиновника, приехавшего прошлой весной с проверкой в их городское управление внутренних дел после очередной коллективной жалобы граждан. Этот добродушный с виду дядечка, запанибратски побеседовав с сотрудниками, закрылся в ленинской комнате и неделю изучал уголовные дела. Результатом проверки стало его выступление на итоговом совещании офицерского

состава. Министерский работник вдрызг разнес разгильдяев и недоучек, которыми, впрочем, оказались все следовательно, но особенно досталось начальнику отдела за плохую организацию работы и низкий выход дел в суд. Про жалобу он не сказал ни слова.

Анна, внимательно слушавшая доклад в течение трех часов, недоумевала, зачем же их тогда вообще держат на работе, не дают спокойно уволиться и перейти, ну скажем, в адвокаты. Там и заработки больше, и работы меньше, а самое главное, и начальство, и граждане адвокатами почти всегда довольны. На ее памяти по собственному желанию с работы не отпустили еще ни одного следователя. Стоило измотанному бесконечными делами и травлей работнику положить заявление об уходе на стол, как тут же собирали комиссию и «нарывали» такой компромат, что человек сам начинал удивляться, почему его до сих пор не посадили лет на восемь.

– Либо уйдете отсюда в тюрьму за дискредитацию органов внутренних дел, либо к станку как профессионально непригодные юристы, – любил часто повторять своим подчиненным товарищ Петухов.

Высокий чин имел колоритную, запоминающуюся внешность и носил немодные очки в тоненькой металлической оправе. Встретив его в санатории, Анна на всякий случай решила вести себя с ним вежливо и обходительно и здоровалась каждый раз при встрече, иногда по пять раз на дню,

потому что другого вежливого и обходительного поведения с большим начальством она себе не представляла.

Высокопоставленный очкарик стойко не обращал на Анну внимания, зато ее заметила дама, всегда находившаяся рядом с ним. Она мило улыбалась девушке и благосклонно кивала.

Как-то они оказались рядом в очереди на процедуры и как старые знакомые разговорились. Оказалось, что Козлов Федор Ильич был вовсе не грозным, как считала Анна, а обычным затюканным семьянином, пришпиленным накрепко к супруге тоненьким каблучком изящных французских туфельек. Из тех, кто покорно следует за женой по магазинам и рынкам в качестве носильщика, подает ей по утрам кофе в постель и до старости называет вторую половину ласкательно-уменьшительным именем.

Ида Константиновна Анне очень понравилась. Девушка чувствовала, что она ей тоже, в свою очередь, симпатична, хотя между ними был возрастной разрыв примерно лет в двадцать, и вместе они представляли собой иллюстрацию тезиса марксистско-ленинской философии о единстве и борьбе противоположностей.

Ида Константиновна – чуть полноватая брюнетка, всегда со вкусом одетая, являвшаяся даже на процедуры с маникюром и укладкой, была похожа на модель с обложки дефицитного немецкого журнала «Бурда моден», который однажды попал к Анне в качестве вещественного доказательства

по делу. Девушку поражала способность Иды Константиновны изъясняться правильным литературным языком и, что бы ни происходило вокруг, вести беседу всегда в одной спокойной тональности. В противоположность ей, Анна, считавшая посещение парикмахерской наказанием Господним, в торжественных случаях собирала разбросанные по плечам волосы в конский хвост. Порывистая в движениях и резкая в оценках, она не признавала другой одежды, кроме слегка потертых джинсов и свитера, под стать которым были и непроизвольно вылетающие у нее словечки, коробившие людей в возрасте. Ида Константиновна этих иногда вдруг проскальзывающих неологизмов как бы не замечала, разговаривала с Анной на равных, и они с удовольствием обсуждали многие темы, очень волнующие женщин и непонятные большинству мужчин. Их познания о жизни вообще, и в частности о жизни санаторской, дополняли друг друга и создавали картину полноты видения мира.

От Иды Константиновны Анна узнала, что в санатории сейчас отдыхают не только отхватившие по случаю путевки пенсионерки и нервированные от безделья пожарники, но и представители высшего милицейского общества, такие как заместитель министра внутренних дел Киргизии с женой, троюродный брат министра МВД РСФСР и главный гаишник Украины с супругой. Киргизы привезли с собой целую свиту, и даже золотую посуду. Но общаться с ними так скучно! В местной «Березке» ничего приличного нет. Ресто-

раны во Владивостоке неплохие, особенно ресторан японской кухни, построенный недавно японцами на дне океана и ими же обслуживаемый.

Анна, в свою очередь, делилась с Идой Константинов-ной своими познаниями о владивостокской жизни. Сама она, по причине болезни, в город еще не выходила, но благодаря общительному характеру и соседу по столовой Олегу, недавно уехавшему, знала о том, что и где продают. В Центральном универмаге Владивостока – там, где на площади с одной стороны океан, – всегда есть китайские полотенца и шубы из нерпы и котика. В магазине «Океан», построенном, кстати, японцами, по вторникам и четвергам после обеда – завоз красной рыбы, а на вещевом рынке города Артема браконьеры недорого продают красную икру из бочек и можно купить литровую банку всего за 10 рублей, если поторговаться.

И хотя Ида Константиновна через мужа имела другие возможности приобрести владивостокский дефицит, в чем Анна впоследствии убедилась, слушала она всегда с большим интересом.

Несмотря на разницу в возрасте, образе жизни, общественном положении, манере одеваться и так далее, у женщин все-таки было много общего. Обе считали, что красное золото носить неприлично, особенно в больших количествах – это удел продавщиц из продовольственных магазинов. Или, например, что в школах неправильно изучают русскую поэзию, потому что творчество Николая Гумиле-

ва или Игоря Северянина куда лучше стихов Твардовского. Или о достопримечательностях. Почему в тридцатые годы во Владивостоке закрыли китайский театр? Это была бы такая достопримечательность, а сейчас и посмотреть не на что!

Удивительно, но мнения о людях у них тоже совпадали.

Пожалуй, единственным человеком, отношение к которому у Иды и Анны резко рознилось, был Константин Евгеньевич Дышковец.

Столичная дама его присутствия не выносила, Анне же он был абсолютно безразличен.

Все процедуры в санатории назначались на определенное время, чтобы избежать той самой очереди, как правило, являвшейся порождением доброй воли самих отдыхающих, где-то не успевших к назначенному сроку или пришедших заранее, как Ида Константиновна и Анна, чтобы пообщаться друг с другом. Если к тому же вовремя не завозили грязь или ломалась аппаратура, случалось, что в коридоре собиралось до 15—20 человек одновременно.

Зловредному старику, возмущавшемуся поведением Анны в клубе, процедуры были прописаны чуть пораньше, чем ей и Иде Константиновне, поэтому они иногда встречались с ним в коридоре. Обычно он одиноко сидел на стуле и, уставясь в пространство, вещал дребезжащим голосом, обращаясь одновременно ко всем сразу и ни к кому определенно. Монологи Константина Евгеньевича были однообразны и выглядели примерно следующим образом: «Какая наг-

лость! Распустили всех! Ни совести, ни страха, ни ответственности! В комнатах холодно, в столовой кормят отвратительно, даже лечения нужного нет! При Сталине был порядок!»

Люди, как правило, предпочитали с ним не дискутировать и отходили в дальний конец коридора. Но иногда кто-то из пенсионеров соглашался, и тогда вздох вспоминалась до- и послевоенная жизнь с быстрым ростом промышленности, изобилием в продуктовых магазинах и отсутствием очередей. Хвалилась железная дисциплина и всеобщий порядок.

– Если бы не Сталин, мы бы войну не выиграли, – вздыхали старики.

Почему-то воспоминания о лучшей жизни всегда сводились к победе в войне и послевоенному периоду.

Отдыхающих возрастом помоложе Константин Евгеньевич раздражал.

– Да замолчите вы, – обрывала его какая-нибудь дамочка лет сорока, – все вам не так! Лечились бы лучше в санатории Совета Министров! Там кормят на убой, тепло, и на каждого отдыхающего по медицинской сестре!

Ида Константиновна, услышав впервые разглагольствования Дышковца, остановилась, долго на него смотрела, а потом спросила у Анны:

– Кто он такой?

– Не знаю, – пожала плечами Анна, – пенсионер какой-то.

Постоянно всех критикует и строчит доносы. Массовик-затейник из клуба рассказывала, он на нее жалобу написал за то, что ансамбль на танцах играет растлевающую молодежь музыку.

– Это Дышковец, – вмешался в разговор незнакомый мужчина, – важная персона в НКВД сороковых годов – восседал в расстрельных тройках! Люди при его имени трепетали. Жестокий, но хитрый гад, всех пережил: и Ежова, и Ягоду, и Берию, и хрущевскую оттепель, и даже при Брежневе отметился. Привык к власти, а сейчас смириться не может, что времена уже не те и его не боятся. Вот и бесится!

От его слов Ида Константиновна сразу как-то сжалась и поникла, а Анна стала с интересом рассматривать старика, казавшегося ей ходячей карикатурой, кем-то из персонажей Аркадия Райкина, случайно затесавшегося в реальность. Небольшого росточка, лысенький, худенький – а поди ж ты, повелитель судеб! В конце концов, она решила, что мужчина просто все придумал, чтобы втереться к ним в доверие, потому что потом он безо всякого перехода стал приглашать поочередно ее и Иду Константиновну на свидания.

Вот тут как раз и появилась перед Анной Ирина Павловна. – Это сценарий новогоднего вечера, – она подала девушке тетрадочку в зеленой обложке, – ваши с Дедом Морозом тексты. У других выступающих обозначены только первые фразы, чтобы вы знали, что и за кем произносить.

Тетрадку взяла Ида Константиновна и, открыв первую

страницу, прочитала:

– Ведущая: «Он уже не за горами, скоро, скоро к нам придет, семимильными шагами к нам шагает Новый год!» Вы сами сочинили? – обратилась она к Ирине Павловне. – Семимильными шагами к нам шагает...

– Не нравится, не читайте! – Огневская вырвала тетрадь из рук женщины и передала ее Анне.

– А кто ведущая? – поинтересовалась Анна, скорее чтобы скрыть неловкость, вызванную поведением Иды, хотя прекрасно понимала, что, кроме массовика-затейника, ведущей быть некому.

– Я, – неохотно отозвалась Ирина Павловна, – заодно буду вас с Дедом Морозом подстраховывать, подсказывать, если что забудете.

Константин Евгеньевич, увидев клубного работника, замолчал, перестав поносить санаторские безобразия, и стал с интересом прислушиваться к разговору. Неожиданно он вставил:

– Вы приняли мою критику к сведению?

Не получив ответа, старик снова спросил у Огневской начальствующим тоном:

– У вас на танцах будут когда-нибудь исполнять что-нибудь русское и приличное?

– Хоровод что ли? – переспросила, не удержавшись, Анна: – Или барыню?

– Помолчите, наглая девица, – оборвал ее Константин Ев-

геньевич, – я имею в виду вальс или медленное танго, чтобы можно было вести даму под руку.

Его почтение к дамам оказалось неожиданным для всех присутствующих. Разговор мгновенно затих, и только Ирина Павловна тихонечко сказала:

– Хорошо, Константин Евгеньевич, спасибо вам за предложение, мы обязательно устроим вечер танцев для пожилых людей с музыкой вашей молодости.

– Это кто пожилой? Я? – обиделся пенсионер и тут же перешел на знакомое всем брюзжание: – Вот оно, отсутствие культуры у тех, кто должен нести культуру в массы! Как вы смеете работать в клубе, если не можете вежливо разговаривать с людьми и постоянно их оскорбляете? В тридцать восьмом году вас бы посадили за подобное отношение к работе.

– А ведь он прав, – тихо сказала Ида Константиновна, но Анна не поняла, что она имела в виду.

На четвертом этаже санатория «Звезда» было непривычно тихо.

Слегка расслабленная от процедур Анна вошла в свою комнату. На ее кровати, ссутулившись, сидел расстроенный Толик, перед которым стояла Таня с точно такой же, как у Анны, тетрадкой.

– Свалю отсюда! – помолчав немного, сказал Анатолий. – Бог с ними, с путевками. Никогда раньше не отдыхал и ничего не потеряю, если не буду ездить по санаториям.

– Пойми ты, – уговаривала его подруга, правда не очень уверенно, – не стоит из-за этого уезжать. Ты же, в отличие от нас с Анькой, лечиться приехал! Такого лечения в твоём Омске не будет. И уезжать из-за каких-то стишков глупо.

– Посмотри, посмотри, какой идиотизм! – Толик вырвал из рук Татьяны тетрадку и пробубнил: – Пряники, игрушки, звонкие хлопущки! Раз, два, три! Елочка – гори!

– Это вирши Снегурочки, – вставила Анна, – а у Деда Мороза слова приличнее.

Она процитировала из своей тетрадки, разведя руки в стороны:

– «Как народу много в зале – славный праздник видно тут. Значит, правду мне сказали, что меня здесь очень ждут!» Знаешь, Толя! Я сейчас заходила в клуб и еще раз перегово-

рила с Валерием Петровичем. Он обещал, что пошлет нам на работу благодарственные письма от дирекции даже в том случае, если на новогоднем вечере мы с треском провалимся. Поэтому, в принципе, мы с тобой ничего не теряем – ну, освистает нас кучка людей как неудавшихся артистов! Зато потом какие будут воспоминания! А так, от санатория в памяти останется только собачий холод, да пальма с окурками!

Иногда Анна была способна убедить кого угодно. Для себя она уже решила: будь что будет. В качестве следователя ей приходилось попадать в переделки и похуже.

– Да, – добавила девушка погодя, – сходи в клуб! Ирина Павловна просила узнать, какого размера костюм тебе заказывать, а также определиться, что из подарков купить. Она предлагает взять одну бутылочку шампанского, чтобы премировать победителя конкурса, и килограммов десять шоколадных конфет для мешка Деда Мороза. Ты согласен?

– Нет, – замотал головой Анатолий, – шампанского нужно больше. Минимум десять бутылок – конкурсов же много. Еще нужно бутылочку коньяка прикупить. Это уже для нас, в качестве компенсации за новогодние страдания. Имеем же мы право извлечь хоть какую-то пользу от новой должности!

Он улыбнулся.

– Вот и хорошо, – заметила Татьяна, – наконец вижу прежнего Толика. Давай еще раз повторим.

Анатолий открыл тетрадку и забубнил:

– «Старый год кончается, хороший, добрый год, не будем

мы печалиться, ведь Новый год придет!»

По мере того как он читал, его голос становился тише и печальнее.

– Не верю, – подражая Станиславскому, сказала Таня, – послушай, ты же у себя Омске начальник. У тебя много народу в подчинении?

– Много, – согласился уныло Анатолий.

– Ты с подчиненными политические занятия проводишь?

– Для этого есть замполит, он занятия проводит.

– Ну, тогда собрания. У нас начальник горотдела так хорошо говорит на собраниях! Громко, четко, с жестами и выражениями, особенно когда кого-нибудь прорабатывает! Лучше любого артиста. Ты же ведь тоже иногда кого-нибудь ругаешь? Ну, вспомни, как это делается.

Анатолий встал, заложил левую руку за спину и, вытянув вперед правую, как у памятника Ленину на Центральной площади, сказал:

– Товарищи, мы собрались здесь по поводу торжественного случая – отметить тридцатилетие нашей доблестной пожарной части!

– Ура! – закричала Танька и захлопала в ладоши. – Ведь можешь, когда захочешь! Продолжай!

Толик, набрав в легкие воздуха, выпалил:

– В этот радостный для нас день, я хочу особенно поблагодарить тех, кто стоял у истоков...

– Нет, нет, – перебила его Татьяна, – продолжай по сцена-

рию. Последний миг декабря...

– Последний миг декабря, – забубнил новоявленный Дед Мороз, – закончен год! Пусть все плохое от нас уйдет! Хорошее – пусть сбудется, печали позабудутся!

Последнюю фразу он произнес совсем тихо, уставившись в пол:

– Дальше – песня, я не пою.

– Ну и стихи, – Анна озадаченно проглядывала шедевры словесности, начертанные рукой массовика-затейника в зеленой тетрадке, – попробуй такую чушь сначала запомнить, а потом продекламировать с веселой улыбочкой при большом стечении народа. Да еще и преподнести так, как будто бы читаешь стихотворение Пушкина!

– Ладно, – Татьяна поставила на стол чайные чашки и варенье, – чтецы-декламаторы, садитесь чай пить! А ты, Толик, не бойся, я с тобой вместе учить буду. Мы все отрепетируем, только не тушуйся и держись солидно. Как начальник. Когда человек говорит властным тоном, ни у кого не возникает желания над ним смеяться, даже если он несет чушь собачью!

До нового 1986 года оставалась неделя, а жизнь в санатории текла своим обыденным чередом.

Анна почти выздоровела, только немножко хрипела и кашляла. Вместе с Толей и Таней они ездили в город, где обошли музеи и владивостокские достопримечательности. И даже покатались на фуникулере – экзотическом транспорте, перевозящем пассажиров с одной сопки на другую.

Однажды, гуляя по городу, в высотном доме они увидели пожар на восьмом этаже. Толик как специалист комментировал происходящее, и к тому моменту, когда потушили огонь, вокруг них собралась довольно-таки большая толпа зевак.

– Расходитесь, товарищи, – сказал им Анатолий, когда пожарные машины начали разъезжаться, – здесь не театр.

Кстати, по настоянию Татьяны, в театре они тоже были – для повышения актерского мастерства.

– Смотрите и запоминайте, – дергала она во время спектакля Анатолия и Анну, – как актеры двигаются и говорят. Видишь, Толя, какой он жест сделал, запомни его. А потом повторишь!

Спектакль был по пьесе Бомарше из старинной не то испанской, не то итальянской жизни и назывался «Женитьба Фигаро». Актеры, одетые в платья с широкими юбками и панталоны с жилетками, постоянно кланялись и председа-

ли в реверансах друг перед другом. Анне не очень хотелось так кланяться перед Дедом Морозом, но чтобы не огорчать подругу, она молчала.

Анатолий тоже молча смотрел спектакль, не смеялся над проделками Фигаро и даже не хлопал. Когда упал занавес, лаконично сказал:

– Все ясно.

Анне нравился город, несмотря на климат, к которому она так и не смогла приспособиться. Одна бухта Золотого рога чего стоит! Вода в ней плещется, хотя океан у берега так промерз, что на льду установили елку, украшенную разноцветными лампочками и игрушками. Дети вокруг елки с ледяных горок съезжают, на коньках катаются.

Толик тоже удивлялся:

– Надо же, первый раз в жизни хожу по океану!

– Сколько здесь моряков, – удивлялась, в свою очередь, Татьяна.

Моряки Анне тоже нравились.

– Представляете, как летом здесь красиво, – говорила она: – С удовольствием гуляла бы по этой набережной под руку с каким-нибудь капитаном второго ранга.

У нее был дядя капитан второго ранга в отставке. О других военно-морских званиях она представления не имела.

Во время прогулок по городу приятное совмещали с полезным – накопили уйму консервов, балыков и полотенец.

– Аня, – спрашивала ее Татьяна в магазине «Океан», перебегая из очереди в очередь, – ты когда-нибудь ела маринованные гребешки? Они вкусные? А печеные кальмары?

От изобилия неведомых деликатесов у нее разбегались глаза. Кальмаров Анна ела, икру морских ежей и маринованные гребешки – нет. Взяли на пробу печеных и сушеных кальмаров, салат из морской капусты и прочие яства. В санатории попробовали и еще раз купили к новогоднему столу. В том, что им удастся посидеть за праздничным столом, они ни на минуту не сомневались.

Вместо уехавшего Олега, за стол к подругам посадили вновь прибывшего отдыхающего из Уфы, Валентина Семеновича, начальника первого отдела Управления пожарной охраны.

– У пожарников даже свои кагэбэшники есть, – пошутила Таня.

Валентин был чуть младше Толика и девчонкам понравился. Интеллигентный, вежливый, ходит по книжным магазинам, постоянно рассказывает о семье – видимо, жену очень любит! В комнату к себе не зазывает и с интимными предложениями не пристаёт.

Они взяли его в свою компанию и иногда вместе ходили на танцы.

Валентин уже знал о предстоящем новогоднем вечере и каждый раз за обедом интересовался у Анны, много ли она выучила сценарного текста. Обычно соседка или угрюмо отмалчивалась, или бурчала: «Много». Что означало: «Не приставай ко мне, и без тебя тошно».

Анна, хорошо учившаяся в школе и институте, была добросовестной и педантично исполнительской. Поэтому каждую свободную минуту, выпадавшую в ее заполненном санаторскими делами дне, она доставала зеленую тетрадку и зубрила:

– Сейчас говорит Дед Мороз: «С Новым годом, с Новым годом! Поздравляю всех гостей! Праздник встретим всем народом! Запевайте веселей!» Так, дальше поют песню «В лесу родилась елочка», а потом говорит Снегурочка: «Встречают песней Новый год, встречают пляской Новый год, а кто стишок про елку знает, надеюсь, нам его прочтет!»

В глубине души она сомневалась, что на празднике найдется полоумный отдыхающий, которому захочется рассказать стишок у елочки, и поэтому сразу же придумала запасной вариант: «Ну что ж, стихотворение про елочку мы расскажем, встречая следующий Новый год, а сейчас возьмемся за руки и будем водить хоровод!»

Про хоровод в тетради ничего не было написано. Анна обратила внимание, что по сценарию в празднике принимало участие очень мало новогодних персонажей: Дед Мороз, Снегурочка и ведущая. Ее осенило, что если бы еще кто-нибудь читал стихи или, на худой конец, пел песни, тогда бы и они с Толиком чувствовали себя более уверенно.

К большому огорчению соседей по этажу, веселые сборища в комнате Анатолия прекратились, несмотря на бурный протест проживающего вместе с ним Василия. Всем было объявлено, что сломалась радиола, и только несколько человек знали, что древняя радиоаппаратура была в полном порядке, но ежедневное вечернее веселье сильно мешало репетициям. Доблестный оперуполномоченный не расстроился, быстро завел зазнобу и все вечера коротал у нее либо вместе

с ней на всеобщих санаторских танцах.

Анатолий и Татьяна, прихватив заветную тетрадочку, часами уединялись в холле перед лестницей. Но Анна сомневалась, что за время, проведенное под пальмой, ими кропотливо изучался сценарий. По ее подсчетам парочка уже трижды могла бы выучить все стихотворения.

Сама Снегурочка знала не только свой текст, но и слова Деда Мороза, и реплики ведущей так, что могла оттарабанивать их в любое время суток без подглядывания. Как говорят, разбуди среди ночи...

Танька жалобно вздыхала и жаловалась на тупость начальника пожарной части. Однако прогресс был налицо: примеряя костюм Деда Мороза, Толик держался уверенно, как в первый день знакомства с ними, и даже прочитал парочку четверостиший, к радости подружек.

– Мы решили отмечать Новый год в санатории, – тихо-нечко сказала Анне Ида Константиновна, – хочу посмотреть ваш спектакль и на тебя в роли Снегурочки.

Это означало, что компания милицейских небожителей в полном составе явится в спортивный зал, где намечалось действие. Перспектива не выглядела для Анны заманчивой, но она поняла, что отговаривать Иду Константиновну бессмысленно, потому что москвичка была из тех женщин, которые доводят задуманное до конца.

Судя по всему, Ида замыслила сделать из Анны самую роскошную и элегантную Снегурочку Владивостока, а если

получится, то и Советского Союза.

Посетив клуб и осмотрев, как на Анне сидит взятый напрокат костюмчик, она категорически забрала наряд. Мало того что Анна выглядит в нем как школьница-переросток, так еще и меховая оторочка у тулупчика какая-то грязненькая, а сама плюшевая шубейка – весьма потерта. Только нищенку в ней играть. Ирина Павловна Огневская с ней согласилась. После недолгих размышлений решили сшить Анне специальное платье.

– Оно обязательно должно быть воздушным, летящим и персикового цвета, – сказала Ида Константиновна, – я дам тебе к нему ожерелье из жемчуга, сережки с бриллиантами и норковое манто.

Ирина Павловна зло сверкнула глазами:

– И тогда будет не Снегурочка, а светская принцесса на рауте. Как она в таком одеянии будет сочетаться с Дедом Морозом?

Теперь уже пришлось согласиться Иде. После небольшого раздумья она пришла к выводу, что красная физиономия Толика сводит на нет эффект от норкового манто. Решили остановиться на образе русской девушки в летящем длинном платье и с кокошником на голове. Анна, носившая в основном милицейскую форму, а в свободное от работы время джинсы, смутно представляла себя в образе простой русской девушки и, по правде сказать, ей куда приятнее было выглядеть школьницей-переростком. Но спорить с энергич-

ными дамами не стала, а только вежливо спросила о том, кто и из чего ей будет шить летящее платье и где она возьмет кокошник на голову.

Кокошник поручили сделать группе энтузиастов, оказавшимися отдыхающими следователями из Новгородской области, от скуки слонявшимися в санаторском клубе. Анну даже обрадовало знакомство с этой троицей не первой молодости мужичков, так как она уже потеряла надежду встретить коллег в санатории «Звезда», оккупированном пожарниками.

Радость была взаимной, и уже вечером следователи пили чай в комнате девушек. Компания собралась большая, и Толику пришлось принести дополнительный стол.

Сосед по столовой пришел на огонек вместе с дамой из соседнего дома отдыха строителей. Женщину звали Надя, была она значительно старше Валентина и выглядела устало и измученно. Анна, узнав, что Надя штукатур, удивилась, что в ней нашел эстетствующий книголюб и отличный семьянин. Но они принесли с собою две бутылки коньяка, и вопросы отпали сами собой. Разговор закрутился вокруг новогоднего вечера. Анна кратко пересказала сценарий, и все дружно решили, что Деду Морозу и Снегурочке просто необходима свита. И тут же начали свиту придумывать.

– Я буду цыганкой, – вскочила Танька, накинув шаль на плечи, – особых костюмов не надо, а танцевать и выпрашивать подарки очень удобно!

Толик тут же протянул ей руку:

– Погадай!

Но она только рассмеялась:

– Жена тебя из дома выгонит, если от меня не отстанешь!

Ее кураж передался остальным, и через минуту вполне приличные люди превратились в потенциальных чертей, пиратов, вампиров и еще Бог знает кого, чьи образы породила буйная пьяненькая фантазия.

– Да, веселая у меня будет свитая, – вздохнула новоиспеченная Снегурочка в стиле а-ля рус, втайне надеявшаяся на зайчиков и снеговиков.

В воскресенье вечером проводили генеральную репетицию.

Неожиданно для Анны в спортивном зале оказалось много народу: рабочие, наряжавшие елку, музыканты санаторского ансамбля, утроенное количество кандидатов в черти и пираты и просто так – любопытствующие. И, конечно же, король обличителей – Дышковец Константин Евгеньевич.

Накануне Анна ходила на вечер танцев для пожилых людей, который все-таки состоялся. Константин Евгеньевич на мероприятие пришел разряженный и веселый, к удивлению, ни с кем не поругался. Так как он почти всегда отчитывал Анну при встрече, она из вредности пригласила старика на белый танец. Делалось это с расчетом, что Дышковец начнет возмущаться и даже уйдет, но Константин Евгеньевич приглашение принял как должное, удовлетворенно хмыкнул и закружил ее в вальсе. Двигался он для своего возраста очень легко.

– На следующий танец я приглашу вас и не вздумайте отказываться, – сказал Дышковец Анне, когда смолкла музыка.

Они протанцевали почти весь вечер, к удовольствию отдыхающих и Огневской Ирины Павловны, потому что на этот раз Константин Евгеньевич впервые не угрожал написать жалобу вышестоящему руководству.

– Спасибо, Аня! – бородатый руководитель ансамбля с чувством пожал ей руку в конце вечера. – Ты для нас бесценная находка.

Сейчас, на генеральной репетиции, Константин Евгеньевич на правах Аниного знакомого стоял у стены, всегда готовый в нужный момент высказать справедливое критическое суждение.

Толик, увидев скопление народа в зале, тихо простонал:

– Я не пойду!

– Еще чего, – Ирина Павловна слегка подтолкнула его ко входу. – Привыкай! Это еще цветочки!

Наличию нечистой силы на празднике ведущая обрадовалась:

– Вот и хорошо, ну-ка крикните: «Не пустим на елку Дедушку Мороза!»

Человек пятнадцать новоиспеченных артистов – дяденок и тетенок разных возрастов и комплекций – истошно завизжали и запрыгали, являя собой, на взгляд Анны, странное зрелище.

«Хоть не одна», – только и подумала она.

– Начинаем, – Ирина Павловна хлопнула в ладоши, – Дедушка Мороз и Снегурочка входят в зал. Дайте посох Деду Морозу! А, вы, Анатолий, идите, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. Можете приложить руку ко лбу.

Чувствовалось, что Огневская попала в родную стихию:

– Аня, не высовывайтесь, отступите от дедушки на пол-

шага!

Она громко продекламировала:

– В каждом доме много света, наступает Новый год! Не карета, а ракета Дед Мороза привезет!

– Бред сивой кобылы! – обиделся Толик. – Какая ракета?

В детском саду что ли? Таких слов в сценарии нет.

Ирина Павловна открыла тетрадку:

– Правда, нет. Извините. А сценарий у нас действительно для детского сада – другого не нашла. И обижаться здесь нечего. Давайте снова. Начинаем:

– Наступает Новый год

Дед Мороз сюда идет!

Неожиданно Толик ударил посохом о пол и громко сказал:

– С Новым годом, люди, звери!

Открывайте быстро двери!

– Очень хорошо! – одобрила Ирина Павловна. – Теперь Снегурочка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.